

А.А. Павловский

**Скульптура в Аттике до греко-персидских
войн**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А11

А11 **А.А. Павловский**
Скульптура в Аттике до греко-персидских войн / А.А. Павловский – М.: Книга по Требованию, 2012. – 320 с.

ISBN 978-5-458-00328-5

ISBN 978-5-458-00328-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Печатаемое мною изслѣдованіе является результатомъ полуторагодовой ученой командировки моей за границу въ 1893 и 1894 годахъ. Бѣльшую часть времени этой командировки (9 мѣсяцевъ) провелъ я въ Греціи и преимущественно въ Аѣинахъ. За это время я посѣтилъ многія мѣстности Пелопоннеса (Олимпію, Коринѣъ, Аргосъ, Микены, Тиринѣъ, Эпидавръ, Мантинею и Тегею) и Аттики (Элевсинъ, Суній, Оорикъ, Оропъ, Рамны), побывалъ и на островахъ (Эгинъ, Эвбеъ, Делосъ, Миконосъ и Самосъ); къ сожалѣнію, обстоятельства, отъ меня не зависѣвшія, лишили меня возможности посѣтить Дельфы, гдѣ раскопки дали уже тогда важные результаты. Въ Аѣинахъ главное вниманіе мое было сосредоточено на изученіи архаической скульптуры, найденной на Акрополѣ въ восьмидесятихъ годахъ. Аттическая скульптура всегда особенно интересовала меня, и, когда обстоятельства поставили меня въ непосредственную близость къ памятникамъ этой скульптуры изъ эпохи сложенія аттической школы, мое вниманіе привлекло къ себѣ разрѣшеніе вопроса о тѣхъ вліяніяхъ и элементахъ, въ которыхъ создалась эта школа. Занятія по изслѣдованію скульптурныхъ памятниковъ Акропольскаго музея было облегчено любезнымъ разрѣшеніемъ со стороны Эфоріи, и мною были описаны, сфотографированы и измѣрены всѣ памятники въ Аѣинахъ, относящіеся къ интересовавшему меня періоду. Путемъ стилистическаго изслѣдованія памятниковъ, найденныхъ на Акрополѣ, въ Аѣинахъ и въ Аттикѣ, и сопоставленія ихъ между собою я старался расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ и такимъ образомъ дать картину развитія скульптуры въ Аттикѣ въ періодъ до греко-персидскихъ войнъ, а путемъ сопоставленія этихъ памятниковъ съ современными имъ памятниками другихъ мѣстностей установить и особенности соб-

ственно аттической скульптурной школы и тѣ вліянія, которымъ подвергались ея представители. Я надѣялся въ этой работѣ найти точку опоры для сужденія о школахъ и въ пропорціяхъ и съ этой цѣлью измѣрилъ всѣ интересовавшіе меня памятники, но изъ сопоставленія цифръ этихъ измѣреній результатовъ важныхъ и даже интересныхъ не получилъ, почему и самыхъ измѣреній въ своемъ изслѣдованіи не далъ.

Еще въ Афинахъ, остановившись опредѣленно на вопросѣ о скульптурѣ въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ, дальнѣйшую поѣздку свою по Западной Европѣ я рассчиталъ такъ, чтобы увидѣть всѣ, наиболѣе существенные для разрѣшенія этого вопроса памятники и воспользоваться лучшими археологическими бібліотеками. Въ виду этого я побывалъ въ Римѣ, гдѣ въ посѣщеніяхъ музеевъ и картинныхъ галлерей и занятіяхъ въ богатой бібліотекѣ Германскаго Археологическаго Института провелъ 5 мѣсяцевъ, въ Палермо, Неаполѣ, Флоренціи, Венеціи, Мюнхенѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Берлинѣ.

Результатомъ моихъ занятій за это время въ музеяхъ и бібліотекахъ и явилась настоящая работа моя, требовавшая, по своему характеру, полной иллюстраціи изображеніями изслѣдуемыхъ памятниковъ. Трудно было и мечтать о такомъ изданіи массы памятниковъ, подвергнутыхъ изслѣдованію, если бы не благоприятствовала мнѣ судьба: Императорское Русское Археологическое Общество приняло на себя печатаніе моей работы съ значительнымъ количествомъ изображеній, а Императорскій Новороссійскій Университетъ далъ мнѣ средства еще увеличить это количество, за что я и приношу глубокую благодарность обоимъ этимъ учрежденіямъ.

Къ сожалѣнію, большое разстояніе, отдѣлявшее меня отъ мѣста изготовленія цинкографическихъ клише и невозможность личнаго наблюденія за исполненіемъ ихъ имѣли послѣдствіемъ разнохарактерность рисунковъ и меньшую удовлетворительность ихъ, чѣмъ какую можно было бы желать. Этими же обстоятельствами объясняется и неудача исполненія нѣкоторыхъ изображеній въ печати и размѣщенія ихъ въ текстѣ.

Если, при этихъ условіяхъ, работа моя вышла безъ особой массы опечатокъ и погрѣшностей, то этимъ обязанъ я любезности и удивительной аккуратности секретаря класси-

ческаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества Сергѣя Александровича Жебелева, взявшаго на себя тяжелое дѣло корректированія сверстанныхъ листовъ и посредничества между авторомъ и типографіей, и моимъ дорогимъ друзьямъ Гавріилу Михайловичу Князеву и Роману Христіановичу Леперу; всѣмъ имъ я приношу здѣсь мою искреннюю благодарность.

Съ большимъ удовольствіемъ пользуюсь случаемъ выразить мою сердечную благодарность глубокоуважаемому Ивану Васильевичу Помяловскому, въ которомъ всегда находилъ вѣрную и постоянную поддержку всѣмъ моимъ научнымъ начинаніямъ.

Наконецъ, долгомъ считаю выразить чувство признательности г. старшему хранителю классическаго отдѣленія Императорскаго Эрмитажа, Г. Г. Кизерицкому за ту любезность, съ котóрой онъ мнѣ предоставлялъ пользоваться исключительно богатою у насъ въ Россіи археологической библіотекой Императорскаго Эрмитажа, къ общему сожалѣнію всѣхъ занимающихся классической археологіей, до сихъ поръ еще остающейся очень мало доступной для научныхъ занятій.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Характеръ скульптуръ, найденныхъ на Акрополѣ и скульпторы, работавшіе въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ.

Послѣднія двадцать лѣтъ въ наукѣ классической археологіи ознаменованы необыкновеннымъ оживленіемъ. Многочисленныя раскопки, веденныя за это время на почвѣ древней Греціи, проливаютъ новый, ясный свѣтъ на такіе періоды исторіи греческой культуры и искусства, о которыхъ ранѣе наши свѣдѣнія были крайне бѣдны, неудовлетворительны. Многіе вопросы, казавшіеся прежде неразрѣшимыми, вновь найденный матеріалъ даетъ возможность, если не разрѣшить, то, по крайней мѣрѣ, освѣтить. Къ такимъ вопросамъ долженъ быть отнесенъ и вопросъ объ архаической скульптурѣ въ Атикѣ до греко-персидскихъ войнъ. Еще въ 1876 году свою знаменитую характеристику аттической скульптуры этого періода Гейнрихъ Бруннъ ¹⁾ основывалъ только на четырехъ тогда извѣстныхъ ея памятникахъ: Мосхофорѣ, мраморной головѣ Аѳины съ писистратовскаго храма на Акрополѣ и на рельефахъ стелъ Аристіона и дискофора. Въ настоящее время скульптурами этого періода наполнены пять залъ Акропольскаго музея и нѣсколько отдѣльныхъ экземпляровъ можно еще найти и въ Национальномъ музеѣ Аѳинъ; къ нимъ долженъ быть отнесенъ и не одинъ фрагментъ въ музеяхъ западной Европы. Все это сокровище обязапо своимъ происхожденіемъ раскопкамъ и, главнымъ образомъ, веденнымъ на Акрополѣ ²⁾ между 1885 и 1889 годами Аѳинскимъ Археологиче-

¹⁾ Arch. Zeit. XXXIV, 27.

²⁾ Акрополь сталъ привлекать къ себѣ вниманіе археологовъ, надѣявшихся найти тамъ интересныя памятники, сряду же послѣ удаленія оттуда турокъ. Еще П и т т а к и с т принялся за собираніе во временный музей, тамъ устроенный, лежавшихъ на ясмлѣ обломковъ скульптуръ и подписей. Въ 1833 году предприняты были тамъ на частныя под-

скимъ обществомъ (*ἑταιρία ἀρχαιολογική*) подъ руководствомъ энергичнаго генеральнаго эфора Каввадія. Въ этихъ раскопкахъ Аѳинское Археологическое общество задалось цѣлью дойти до самой скалы, въ убѣжденіи, что среди мусора, послужившаго для уравниванія площади Акрополя и заполниваго всѣ неровности его поверхности въ періодъ украшенія Акрополя послѣ греко-персидскаго опустошенія и въ эпоху Перикла, должно найтись не мало скульптурныхъ и архитектурныхъ фрагментовъ отъ памятниковъ, погибшихъ при нашествіи Ксеркса. Ожиданія оправдались и изъ этого насыпного слоя намъ явилась масса памятниковъ, опредѣленно датируемыхъ до 480 г., такъ какъ трудно представить себѣ, чтобы въ этомъ слоѣ, образовавшемся никакъ не позже 460 г., могло быть много произведеній, созданныхъ послѣ мягкаго года опустошенія Акрополя.

Эти раскопки, принесшія опредѣленно датированныя произведенія, освѣтили много вопросовъ изъ области аттической керамики, архитектуры и скульптуры, почти не разрѣшимыхъ до тѣхъ поръ.

Оставивъ первыя двѣ области другимъ, мы здѣсь будемъ говорить только о скульптурныхъ памятникахъ.

писныя средства и первыя раскопки у Парѳенона, причемъ найдены были различные фрагменты фриза и одна метопа съ южной стороны. Въ 1834—1836 гг. велись раскопки Кленце, а затѣмъ Л. Россомъ и его друзьями, архитекторами E. Schaubert, Chr. Hansen и Laurent; результаты этихъ раскопокъ предполагалось опубликовать въ роскошномъ изданіи, но вышла только первая тетрадка этого изданія: *Der Tempel der Nike Apteros*. Средства на эти раскопки получались отъ продажи разбираемыхъ турецкихъ и средневѣковыхъ построекъ, а для того, чтобы не тратиться на далекій отвозъ земли, ее сбрасывали на южный скатъ акропольскаго холма, гдѣ, по мнѣнію Росса (*Archäol. Aufsätze*, I, 75), между театромъ Діониса и Одіономъ Ирода Аттика не должно было быть важныхъ памятниковъ. Важнѣйшими результатами этого періода раскопокъ были: фрагменты статуй западнаго фронтона Парѳенона, нѣсколько плитъ сѣверной стороны фриза и открытіе фундамента и почти всѣхъ архитектурныхъ частей большей частью фриза храма Безкрылой Ники. Найдено было еще много другихъ скульптурныхъ фрагментовъ и масса надписей. Въ 1852 году были произведены раскопки у Эрехѳіона Тиршемъ и въ томъ же году Бѣлэ (*L'Acropole d'Athènes*, Paris, 1862); въ 1862 г.—К. Вѣттихеромъ (*Bericht über die Untersuchungen auf der Akropolis in Athen*, Göttingen, 1864—67). Въ 1876—77 годахъ Аѳинское Археологическое общество счистило южный склонъ отъ земли, сброшенной при раскопкахъ Росса. Ведшіеся въ 1880 году французами Lemberg и Blondel раскопки на Акрополѣ были скоро остановлены въ какомъ-нибудь метрѣ отъ того слоя, въ которомъ принявшемуся за эти раскопки въ 1882 году и особенно энергично ведшему ихъ съ 1885 года Аѳинскому Археологическому обществу удалось найти, наконецъ, массу памятниковъ архаическаго періода. Съ результатами этихъ раскопокъ знакомятъ: J. E. Harrison (*Journ. of hell. stud.* 1887, 159... и 1888, 118...), W. Miller (*Amer. Journ. of Arch.* 1886, 64...), Theoxanou, *Les fouilles recentes de l'Acropole d'Athènes* (*Gaz. arch.* XIII, 18-8, 28—48 и 83—102), M. Collignon, *Les fouilles de l'Acropole d'Athènes* (*Revue de deux mondes*, 1890, I, 835—863), Milchhöfer, *Neue Funde auf der Akropolis* (*B. phil. Wochenschrift*, 1887, 740) и журналы: *Wochenschrift für klass. Phil.* 1887. № 24, 764 и 31, 964, *Ath. Mitt. u. Bull. de corr. hell.* за годы раскопокъ.

Эти раскопки знакомятъ насъ съ произведеніями скульптуры еще въ тѣ времена, когда матеріаломъ для нея являлся мягкій, легко обрабатываемый пористый камень, добываемый около Пирея, у мыса Акте. Для обработки этого матеріала не нужно было особенныхъ техническихъ знаній, не нужно было и особыхъ инструментовъ. Скульпторъ легко могъ справиться съ этимъ матеріаломъ при помощи тѣхъ инструментовъ, которыми работалъ въ деревѣ, и характеръ скульптуръ изъ этого матеріала, найденныхъ на Акрополѣ, ясно показываетъ, что художникъ и по своему развитію былъ не далекъ отъ произведеній изъ этого примитивнаго матеріала. Древнѣйшія произведенія изъ пороса мы необходимо должны отнести ко времени не позже начала VI, а, можетъ быть, даже конца VII вѣка. Такимъ образомъ найденныя на Акрополѣ скульптурныя произведенія даютъ намъ возможность судить о столѣтнемъ, по крайней мѣрѣ, періодѣ развитія этого искусства на аттической почвѣ. Примѣненіе мѣстнаго матеріала даетъ намъ право предполагать, что эти произведенія принадлежатъ мѣстнымъ художникамъ, самостоятельно достигнувшимъ извѣстной ступени художественнаго развитія.

Рядомъ съ этимъ матеріаломъ, но въ позднѣйшей ступени развитія, аттическія находки представляютъ намъ и привозный матеріалъ: сначала хрупкій, крупнозернистый наксосскій мраморъ, а затѣмъ и роскошный по колориту и очень удобный въ работѣ паросскій. Мѣстный, такъ называемый гиметтскій мраморъ, является въ весьма немногихъ памятникахъ, но зато преимущественно болѣе древнихъ, простыхъ въ своемъ развитіи, пентелійскій же бѣлый мраморъ, какъ показываютъ отдѣльные случаи, встрѣчающійся изрѣдка въ употребленіи около половины VI вѣка, находитъ себѣ широкое примѣненіе только уже очень поздно, въ V вѣкѣ.

Этотъ фактъ преимущественнаго примѣненія въ скульптурахъ, найденныхъ на аттической почвѣ, привознаго матеріала для многихъ археологовъ являлся яснымъ доказательствомъ чужаго происхожденія исполненныхъ въ немъ скульптуръ, но едва-ли это положеніе можетъ выдерживать строгую критику. Нѣтъ, мнѣ кажется, ничего удивительнаго въ томъ, что аттическіе скульпторы; обратившіеся къ мрамору, какъ матеріалу, въ тотъ періодъ, когда Аттика была уже въ живыхъ торговыхъ сношеніяхъ съ богатыми мраморомъ островами Эгейскаго моря, преимущественно стали работать въ этомъ лучшемъ и легко добываемомъ чужомъ матеріалѣ, а не въ своемъ мѣстномъ, добываніе котораго было связано съ большимъ трудомъ. На основаніи только

примѣненія наксосскаго или паросскаго мрамора говорить о наксосскомъ или паросскомъ происхожденіи даннаго произведенія мнѣ представляется столько же рискованнымъ, какъ приписать итальянскимъ художникамъ всѣ современныя скульптуры, исполненныя въ каррарскомъ мраморѣ. Я понимаю, что разъ мы знаемъ о примѣненіи наксосскаго или паросскаго мрамора въ Аттикѣ, мы имѣемъ право предполагать, что рядомъ съ этимъ матеріаломъ могли проникнуть въ Атику и художники изъ Пароса и Наксоса, что они могли оказывать вліяніе на аттическую мѣстную скульптуру; но насколько ошибочно на основаніи матеріала только судить о происхожденіи скульптурныхъ произведеній, мнѣ кажется, совершенно ясно доказалъ Зауеръ, въ силу этого одного соединившій въ своей древне-наксосской школѣ ¹⁾ скульптуры совершенно различнаго стиля и такимъ образомъ придавшій этой первичной школѣ какой-то электическій характеръ или, вѣрнѣе, лишившій ее всякаго характера. Матеріалъ даетъ только одинъ изъ элементовъ характеристики, опредѣленія, но ничуть не рѣшаетъ дѣла, что я надѣюсь яснѣе показать въ будущемъ.

Паросовыя скульптуры, найденныя на Акрополѣ, почти исключительно являются декоративными и, такимъ образомъ, получаютъ настоящій свой смыслъ только въ совокупности съ зданіемъ. Уже это ихъ назначеніе опредѣляетъ характеръ ихъ обработки больше въ общемъ, чѣмъ въ деталяхъ. Большинство мраморныхъ произведеній, наоборотъ, имѣетъ значеніе въ нихъ самихъ и принадлежитъ чистому искусству. Многіе изъ нихъ поэтому отличаются удивительною тонкостью, тщательностью работы, которая и въ мраморныхъ декоративныхъ произведеніяхъ опять-таки отступаютъ на задній планъ.

Въ декоративныхъ скульптурахъ уже съ самаго ранняго періода насъ поражаетъ богатство творческой фантазіи художника, умѣвшаго довольно удачно справляться даже съ сложными задачами, въ статуарномъ же бросается въ глаза бѣдность и нѣкоторое однообразіе встрѣчающихся типовъ. Это обстоятельство заставляетъ искать себѣ объясненія въ какомъ-нибудь внѣшнемъ условіи возникновенія этихъ произведеній.

Съ особенною любовью и постоянствомъ трактуется въ этотъ періодъ типъ женщины, немного выступающей впередъ лѣвой ногой и прямо смотрящей предъ собою: въ одной рукѣ, согнутой въ жестѣ приношенія, держитъ она какой-то атрибутъ (погибшій у всѣхъ ста-

---

¹⁾ Altgriechische Marmorkunst. Ath. Mitt. XVII (1892), 37—79.

туй вмѣстѣ съ нижней частью самой руки, слишкомъ сильно выступавшей изъ общей площади тѣла, чтобы не погибнуть при претерпѣнныхъ статуями невзгодахъ); другой опущенной и только немного отступающей отъ туловища, поддерживающей она складку хитона. Голова прямо сидитъ на довольно массивной шеѣ и длинные волосы спускаются въ нѣсколькихъ прядяхъ на грудь и въ общей широкой массѣ на спину. Черты лица не имѣютъ въ себѣ ничего типичнаго, но, съ другой стороны, представляютъ такъ мало индивидуальныхъ чертъ, что нѣкоторые не хотятъ видѣть въ этихъ статуяхъ портретныхъ изображеній. Последнее обстоятельство, думаютъ они, особенно бросается въ глаза, когда наблюденію представляется цѣлый рядъ произведеній скульптурныхъ одного типа. Всѣ эти фигуры одѣты въ длинный, до самаго пола спускающійся хитонъ, поверхъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, наброшенъ еще гиматій.

Этотъ типъ впервые сдѣлался извѣстнымъ въ акротерныхъ статуэткахъ Эгинскаго храма, имѣвшихъ лotosовый цвѣтокъ въ протянутой впередъ рукѣ, и по этому атрибуту былъ признанъ Гергардомъ ¹⁾, а за нимъ и многими другими за изображение Афродиты. Бернулли ²⁾ указалъ на недостаточность этого атрибута для признанія тутъ Афродиты, такъ какъ цвѣтокъ является общимъ атрибутомъ для Афродиты, Гебы, Горъ и Грацій, хотя въ то же время высказалъ предположеніе, что въ архаической періодъ и вообще было трудно отличить одну богиню отъ другой. У Росса ³⁾, знавшаго фрагменты нѣсколькихъ акропольскихъ статуй этого типа, мелькала уже мысль о возможности признанія этихъ статуй за изображенія служительницъ Аѳины, аррефоръ или канефоръ, и указаніе на это онъ видѣлъ въ многочисленныхъ надписяхъ и подобной статуѣ Лисимахи, упоминаемой Павсаніемъ (I, 27, 4) у храма Полюды. Эти статуи, по его мнѣнію, стояли на небольшихъ дорійскихъ колоннахъ, подобно другимъ подноснымъ дарамъ, около храма, и это его предположеніе, какъ мы видимъ, оправдалось.

Когда семь статуй этого типа было найдено на Делосѣ, Т. Омолль ⁴⁾, опираясь на нахожденіе ихъ въ одномъ мѣстѣ и на существованіе въ инвентаряхъ делосской амфиотіониі храма, носившаго названіе храма о семи статуяхъ (*ναὸς οὗ τὰ ἑπτὰ ζῶια, οὗ τὰ ἑπτὰ ἀγάλματα, οὗ τὰ ἑπτὰ*),

¹⁾ Gerh a r d, Gesammelte akademische Abhandlungen, I, 264, 5.

²⁾ Aphrodite, Leipzig, 1876, 26.

³⁾ Archäol. Aufsätze, I, 85. 205.

⁴⁾ Bull. de corr. hell. V (1881), 275.

предположилъ, что эти-то семь статуй и есть статуи, давшія храму его названіе, а такъ какъ этотъ храмъ былъ храмъ Аполлона и Артемиды, то и самыя статуи должны изображать эту богиню. Подтвержденіе этой гипотезы онъ видитъ еще въ томъ, что статуи подобнаго типа были найдены и въ храмѣ Асклепія подъ тѣмъ мѣстомъ Акрополя, гдѣ стояло святилище Артемиды Бравроніи; по предположенію же О. Райэ эти статуи должны были быть сброшены съ Акрополя вмѣстѣ со скрытою оттуда землею. Гипотеза, построенная на гипотезѣ, не смущала французскаго ученаго и онъ остался при ней и въ своей докторской диссертациі ¹⁾, не смотря на серьезныя возраженія.

Одновременно съ Омолемъ, этимъ типомъ занялся итальянскій археологъ Герардо Гирардини ²⁾ по поводу архаической статуи этого типа, найденной на Авентинѣ. На основаніи того факта, что статуи этого типа были найдены въ храмахъ различныхъ божествъ, онъ пришелъ къ заключенію, что съ наибольшей вѣроятностью въ этомъ типѣ нужно видѣть обѣтныя изображенія жриць (*imagine votive (anathemate) di sacerdotene*). То же возраженіе представляетъ онъ и Мильхгёферу ³⁾, желавшему видѣть въ аѳинскихъ статуяхъ изображенія нимфъ, этихъ спутницъ Аѳины, и въ безжизненныхъ образахъ представляющихъ свиту статуи этой богини; если это значеніе можно принять для Аѳинъ, — говоритъ онъ, — то нельзя принять для другихъ мѣстъ, гдѣ эти статуи стоятъ въ храмѣ не Аѳины.

Противъ гипотезы Омолля выступилъ и Фуртвенглеръ ⁴⁾, считающій этотъ типъ слишкомъ распространеннымъ, чтобы его можно было приурочивать къ опредѣленному божеству. Если можно въ этому типу на Акрополѣ приурочивать наименованіе 'дочерей Кекропа, на эгинскомъ храмѣ — Даміи и Анхесіи, то для Делоса онъ считаетъ возможнымъ приять Ириду и Гекаергу или Лаодику и Гипероху, культъ которыхъ былъ тамъ очень распространенъ, или трехъ мѣстныхъ Горъ: Эно, Сперто и Эланду, дочерей Аніона или, наконецъ, Харитъ, но также могутъ быть эти статуи и изображеніями обѣтными простыхъ смертныхъ дѣвушекъ, Делиадъ (*Hom. hymn. in Apoll. Del. 157*), такъ какъ типъ дѣвушки съ цвѣткомъ весьма распространенъ даже и на надгробныхъ памятникахъ ⁵⁾.

¹⁾ *De antiquissimis Dianae simulacris deliacis*, Paris, 1885, 61.

²⁾ *Di una statua arcaica dell' Aventino e d'alcune serie di sculture affini. Bull. di com. arch. com. di Roma*. 1881, 155—157.

³⁾ *Ath. Mitt.* V (1880), 213¹.

⁴⁾ *Von Delos. Arch. Zeit.* 1882, 326.

⁵⁾ *Ath. Mitt.* VII (1882), 171.